

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ 1991–2015 гг. В БИОГРАФИЧЕСКИХ НАРРАТИВАХ МУРМАНСКИХ РЫБАКОВ

Юлия Ивановна Ковыршина

Тюменский государственный университет
6 ул. Володарского, Тюмень, Россия
chanelking@mail.ru

Аннотация: В статье рассматриваются репрезентации социально-экономических изменений 1991–2015 гг. в биографических нарративах сотрудников предприятий рыбопромышленного комплекса Мурманска. Автор характеризует два дискурса — «позднесоветский» и внутрипрофессиональный, различающиеся риторическими стратегиями и референтным временем, — с помощью которых информанты описывают экономические и инфраструктурные изменения в отрасли и трансформации властных отношений в профессиональном сообществе. Используя методику критического анализа дискурса, автор рассматривает темы, микро- и макроструктуры обоих дискурсов. Он задается вопросом, какие функции выполняют дискурсы в описаниях информантов, когда и с какой целью информанты выбирают «позднесоветский» и/или внутрипрофессиональный дискурс в своих рассказах, какие структуры дискурсов сотрудники рыбопромышленных предприятий используют для самопрезентации и интерпретации социально-экономических изменений в биографических нарративах. Материалами исследования послужили интервью, записанные от мурманских рыбопромышленников в 2015–2017 гг.

Ключевые слова: Мурманск, рыбная промышленность, идеология профессиональных сообществ, биографические нарративы, анализ дискурса.

Благодарности: Статья подготовлена благодаря участию автора в проекте «Российские гавани Трансарктической магистрали: пространства и общества арктического побережья России накануне новой эпохи развития Северного морского пути» (грант № 33.2257.2017/ПЧ Мин. образования и науки РФ).

Для ссылок: Ковыршина Ю. Репрезентация социально-экономических изменений 1991–2015 гг. в биографических нарративах мурманских рыбаков // Антропологический форум. 2019. № 41. С. 36–54.

doi: 10.31250/1815-8870-2019-15-41-36-54

URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/041/kovyrshina.pdf>

**THE REPRESENTATION OF SOCIO-ECONOMIC
CHANGES OF THE YEARS 1991–2015
IN THE BIOGRAPHICAL NARRATIVES
OF MURMANSK FISHERMEN**

Julia Kovyreshina

University of Tyumen
6 Volodarskogo Str., Tyumen, Russia
ykovyrshina@eu.spb.ru

Abstract: The paper focuses on representations of social and economic changes between 1991–2015 in the biographical narratives of workers in the Murmansk fishing industry. The author analyzes two types of discourse — the “late Soviet” and the intraprofessional — which differ in rhetorical strategies and referent time. Through these two types of discourse, informants describe economic and infrastructural changes in the industry and the transformation of power relations in the professional community. Using the approach of critical discourse analysis, the author analyzes the micro- and macrostructures of discourse and topics, trying to answer the following questions: what types of discourse are used by the workers in the Murmansk fishing industry for the self-presentation and interpretation of socioeconomic changes in biographical narratives? What functions do these types of discourse perform in the interpretations of informants? When — and for what reasons — do informants choose particular elements of discourse in their stories? Sources include biographical narratives of Murmansk fishermen gathered in 2015–2017.

Keywords: Murmansk, fishing industry, ideology of professional communities, biographical narratives, discourse analysis.

Acknowledgements: The paper was prepared on the basis of the author’s participation in the research project “Russian Harbors of the Transarctic Route: Space and Societies of Russia’s Arctic Coast on the Eve of a New Period in the History of the Northern Sea Route” (Research grant by the Russian Ministry for Education and Science No. 33.2257.2017/ПЧ).

To cite: Kovyreshina J., ‘Reprezentatsiya sotsialno-ekonomicheskikh izmeneniy 1991–2015 gg. v biograficheskikh narrativakh murmanskikh rybakov’ [The Representation of Socio-Economic Changes of the Years 1991–2015 in the Biographical Narratives of Murmansk Fishermen], *Antropologicheskij forum*, 2019, no. 41, pp. 36–54.

doi: 10.31250/1815-8870-2019-15-41-36-54

URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/041/kovyreshina.pdf>

Юлия Ковыршина

Репрезентация социально-экономических изменений 1991–2015 гг. в биографических нарративах мурманских рыбаков

В статье рассматриваются репрезентации социально-экономических изменений 1991–2015 гг. в биографических нарративах сотрудников предприятий рыбопромышленного комплекса Мурманска. Автор характеризует два дискурса — «позднесоветский» и внутрипрофессиональный, различающиеся риторическими стратегиями и референтным временем, — с помощью которых информанты описывают экономические и инфраструктурные изменения в отрасли и трансформации властных отношений в профессиональном сообществе. Используя методику критического анализа дискурса, автор рассматривает темы, микро- и макроструктуры обоих дискурсов. Он задается вопросом, какие функции выполняют дискурсы в описаниях информантов, когда и с какой целью информанты выбирают «позднесоветский» и/или внутрипрофессиональный дискурс в своих рассказах, какие структуры дискурсов сотрудники рыбопромышленных предприятий используют для самопрезентации и интерпретации социально-экономических изменений в биографических нарративах. Материалами исследования послужили интервью, записанные от мурманских рыбопромышленников в 2015–2017 гг.

Ключевые слова: Мурманск, рыбная промышленность, идеология профессиональных сообществ, биографические нарративы, анализ дискурса.

Задачи и материал

В данной статье мы исследуем репрезентации оценок социально-экономических изменений 1991–2015 гг. в нарративах сотрудников предприятий рыбопромышленного комплекса Мурманска. Выбор профессиональной группы представляется репрезентативным ввиду большого числа специалистов, занятых в отрасли, и разнообразия группы: представители более или менее «статусных» флотов, различных специализаций внутри профессионального сообщества, предприятий флотов, береговых служб и др. Материалом статьи послужили биографические интервью с сотрудниками предприятий рыбопромышленного комплекса и работниками вспомогательных и контролирующих организаций флотов и портов Мурманска, записанные в 2015–2017 гг.

Настоящая работа лежит в русле исследований идеологий профессиональных сообществ. Идеологии в широком смысле определяются как «представления и ценности, убеждения и идеалы, в которых выражаются и конституируются интересы социальных групп» и которые служат символическим «клеем» для профессионального сообщества,

Юлия Ивановна Ковыршина
Тюменский государственный
университет,
Тюмень, Россия
chanelking@mail.ru

формируют интерпретации определенных ситуаций и легитимацию действий представителей сообщества по сохранению или изменению социального порядка [Романов, Ярская-Смирнова 2011: 64].

Исследовательские вопросы работы были сформулированы следующим образом: какие дискурсы используют сотрудники предприятий рыбопромышленной отрасли Мурманска для саморепрезентации и интерпретации социально-экономических изменений в биографических нарративах? Какие функции выполняют эти дискурсы в интерпретациях информантов, когда и по каким причинам информанты выбирают те или иные элементы дискурсов в своих рассказах?

В статье мы понимаем *дискурс* как коллективные репрезентации действительности в идеологии и культуре, выражающие абстрактные идеологические представления посредством текстов и устных сообщений [van Dijk 1991; 1993; 1998; Ван Дейк 2000]. В анализе биографических нарративов рыбопромышленников Мурманска мы рассматривали микро- и макроструктуры дискурса, т.е. структуры предложений, морфологические и синтаксические особенности текстов, лексику и грамматику, а также топики и темы, формальные суперструктуры, схемы (см., например: [Ван Дейк 2000: 112]).

Место исследования: Мурманск

Мурманск в годы советской власти стал самым крупным населенным пунктом за Полярным кругом, важным стратегическим и экономическим центром СССР. Рост населения Мурманска продолжался с конца 1920-х до начала 1990-х гг., от 9 тыс. чел. в 1926 г. [Российский статистический сборник 2011: 82] до максимума в 468 039 чел. в 1989 г. [Всесоюзная перепись 1989; Население СССР 1990: 23], и был связан с развитием рыбной и рыбоперерабатывающей промышленности, морского транспорта, геологоразведки, нефтегазовой и атомной энергетики, с обслуживанием Северного флота¹. Флоты Мурманска к концу 1980-х гг. имели развитую социальную инфраструктуру, ведом-

¹ Мурманский морской торговый порт (создан в 1915 г.) и Мурманский морской рыбный порт являются крупнейшими градообразующими предприятиями <<http://www.portofmurmansk.ru>>, на территории которых в разные годы базировались суда Мурманского тралового флота (основан в 1920 г. <<http://www.mtf.ru>>), Мурманского морского пароходства (основано в 1939 г., до 1967 г. — Мурманское государственное морское сухогрузное и пассажирское пароходство <<http://www.msco.ru/ru/>>), Беломоро-Балтийской базы государственного лова, рыболовецких колхозов Мурманска и Архангельска, научно-исследовательских центров (ПИНРО, с 1921 г.) и др. В 1930–1970 гг. были организованы предприятия Мурманрыба (1933–1941 гг.), Мурмансельдь (1949 г., преобразовано в Мурманрыбпром в 1977 г.), Севрыбпромразведка (1937 г., самостоятельная структура — в 1978–2009 гг.), Севрыбхолодфлот (основан в 1965 г.), Арктикморнефтегазразведка (1979 г.). С 1978 г. в Мурманске базируются суда Атомного ледокольного флота СССР / РФ (см.: <<http://rmpoisk.ru/encRM02ent.html>>).

ственные культурные, рекреационные, медицинские учреждения. В советский период сложилось устойчивое представление о Мурманске как городе воинской и трудовой славы, «воротях в Арктику» и о мурманских моряках, совершавших ежедневный подвиг, связанный с преодолением суровой арктической природы. Эти образы города и его жителей транслировались в СМИ, документальном кино, воплощались в литературных произведениях, поддерживались в профессиональной среде сотрудников флотов и в городском сообществе.

В социально-экономической жизни Мурманска с начала 1990-х гг. произошли существенные изменения: были реструктурированы различные секторы экономики, промышленные ресурсы отраслей сокращены и перераспределены между государством и частным бизнесом, снизилась численность занятых на предприятиях специалистов. В сравнении с более чем 800 судами, работавшими на промысле в конце 1980-х гг., сегодня к порту Мурманск приписано лишь 291 судно различных категорий¹. Значительная часть судов мурманских флотов в период 1990–2010 гг. была продана и утилизирована. Все эти изменения протекали на фоне активного оттока населения из города и области.

На начало 2017 г. в Мурманске действовало 108 добывающих рыбопромышленных предприятий, обеспечивавших оборот в 69 598,4 млн руб., со среднегодовой численностью работников организаций 4969 чел., работавших на 191 судне. В 2016 г. рыбная продукция составила 10,2 % от регионального продукта Мурманской области (см. подробный анализ и детализацию статистических данных: [Васильев 2018]).

В 2015–2017 гг. автор провела интервью с 30 сотрудниками рыбопромышленных предприятий и работниками вспомогательных организаций портов Мурманска². Информанты представляли несколько поколений мурманчан³ в возрасте от 25 до 78 лет.

¹ Данные о судах порта Мурманск см. в Российском морском регистре судоходства: <<http://www.rs-class.org/ru/>> и списке мурманских судов: <<http://fleetphoto.ru/list.php?cid=152>>.

² Большая часть полуструктурированных интервью продолжительностью от 40 минут до 3 часов расшифрована, аудиозаписи интервью хранятся в архиве факультета антропологии Европейского университета в Санкт-Петербурге.

³ Мурманчанами назвали себя 26 из 30 информантов. Некоторые из них отмечали, что определение «мурманчанин» не связано с местом рождения или этнической принадлежностью, мурманчане — это все, кто прожил и проработал в городе продолжительное время. Так, 12 информантов приехали в Мурманск из других областей СССР по распределению в юности (реже — учились и остались работать в Мурманске) или в зрелом возрасте в связи с ухудшением экономического положения флотов южных бассейнов. Двое приехали в Мурманск вместе с родителями в возрасте до пяти лет, девять родились в Мурманске. Родители информантов выросли в деревнях, селах, малых городах различных регионов СССР, были рабочими, служащими или колхозниками. При этом большинство информантов сохраняют тесные связи с родственниками в регионах, где они (или их родители) родились и выросли.

Большинство информантов старше 50 лет в 1990–2010-е гг. остались в профессии и, хотя сегодня уже не участвуют в промысловом лове, продолжают работать в портах Мурманска, что типично для профессиональной карьеры моряков в целом.

Интервьюирование проводилось по типовому биографическому опроснику; вопросы, связанные с оценкой информантами социально-экономических изменений, напрямую не задавались, а следовали только после упоминания соответствующего периода и событий в жизни собеседника.

Для понимания риторических стратегий информантов представляется важным оговорить роль интервьюера. Автор имеет косвенное отношение к изучаемому сообществу. Статус дочери моряка, а также возраст, позволяющий помнить события обсуждаемого периода, определили идентификацию интервьюера в глазах информантов не только как исследователя, но и как человека, жившего во времена социально-экономических изменений 1990-х гг. в Мурманске, могущего подтвердить, засвидетельствовать правдивость воспоминаний информантов и потенциально «понимающего» представителей сообщества. Это обстоятельство отчасти может объяснить некоторые риторические стратегии информантов, использование ими отдельных элементов дискурсов и переключения дискурсов, о которых пойдет речь далее.

Дискурс 1 и Дискурс 2

В биографических нарративах сотрудников предприятий рыбопромышленного комплекса Мурманска тема социально-экономических изменений в отрасли репрезентировалась по-разному: в связи с личным опытом, проблемой смены поколений, конструированием профессиональной идентичности в «истории о себе» и «истории себя» и др. Мы выделили в рассказах наших информантов элементы *двух дискурсов*, различающихся референтным временем (ориентирован ли нарратив на прошлое или на настоящее) и риторическими стратегиями, которые информанты использовали для описания социально-экономических изменений в отрасли и выражения своего мнения о трансформации властных отношений в профессиональном сообществе.

Дискурс 1 («позднесоветский») ориентирован на прошлое и характеризует социальные отношения и практики информантов конца 1980-х гг. или раньше. Он обязательно включает операции установления несоответствий этим отношениям и практикам в настоящем и не предполагает каких-либо активных действий по исправлению текущей ситуации. Конструирование

восприятия представителей профессионального сообщества рыбаков как культурных героев, обеспечивавших благополучие страны, советского народа и города, воплощает нормативно-ценностную идеологию профессионализма в мифологизированном состоянии [Романов, Ярская-Смирнова 2011: 77–78], цель которой — аргументировать полезность профессиональной группы для общества. Дискурс 1 выстраивает позицию информанта как *жертвы* произошедших социально-экономических трансформаций 1991–2015 гг., которые были причиной снижения престижа профессии, разрушения профессиональных традиций и преемственности, захвата власти нелегитимными (по мнению информантов) представителями сообщества.

Дискурс 2 («внутрипрофессиональный») ориентирован на актуальное настоящее или недавнее прошлое. С его помощью информанты описывают прежде всего выбор и принятие решений в профессиональной деятельности. Дискурс 2 отражает представления информантов о структуре и выгодах профессии, отношениях власти внутри сообщества и во взаимодействии с другими организациями. Структуры Дискурса 2 обнаруживаются в объяснениях информантами причин выбора профессии как высокооплачиваемой и предпочтительной для «социального лифта» выходцев из бедных семей (в том числе сельских жителей), оправданиях решений молодых специалистов об уходе с флота в связи с отсутствием материальных преимуществ профессии в текущей ситуации, мотивациях продажи кораблей экономической рентабельностью и др.¹

Понятия Дискурса 1 и Дискурса 2 используются в статье для анализа описания нашими информантами социально-экономических изменений постсоветского периода. Отметим, что элементы обоих дискурсов встречаются в нарративах всех информантов.

Анализ материала

Центральной проблемой в рассказах информантов об изменениях 1990–2010-х гг. предстают трансформации отношений власти профессионального сообщества и государства, частных лиц и компаний, руководства и членов сообщества. Одни и те же события получают различную интерпретацию в структурах Дискурсов 1 и 2 и представляют два компонента идеологии профессионализма — ценностно-нормативный и критически-рефлексивный.

¹ Отчасти Дискурс 2 отражает маскулинный габитус представителей профессионального сообщества (см. об этом, например: [Мещеркина 2002: 12, 14–15]).

Рассказы, описывающие утрату статуса профессии, содержат жалобы на судьбу, исторические персоны или враждебные силы и выражаются комплексом клишированных мотивов с общим значением «разрушения»: «все развалилось», «корабли продали и порезали», «залив пустой», «причалы разваливаются», «молодежь не хочет работать (не идет на флот)» (Дискурс 1). Одновременно в описаниях принятия решений информанты нередко репрезентируют себя как преодолевших неблагоприятные ситуации (Дискурс 2).

1. *Время изменений.* Большая часть высказываний информантов о периоде социально-экономических изменений была получена в ответ на уточняющие вопросы, что может означать, что представления информантов об этом времени сегодня существуют в латентной форме, актуализируются окказионально и в спонтанном конструировании идентичности для интервьюера не используются. Описания изменений в отрасли в 1991–2015 гг. чаще всего возникали в рассказах информантов в «свернутом» виде, в одной фразе («тогда все развалилось», «потом флот распался» и др.) с использованием негативно окрашенных, часто безличных форм глаголов и пейоративной лексики «новояза» эпохи перестройки (например, «прихватизация» — Инф. 9). Первыми в нарративах появляются подобные «клишированные» выражения, которые затем дополняются примерами из личной биографии и замыкаются суммирующими выводами-оценками.

Время наибольшего расцвета отрасли привязывается информантами к нижней границе начала изменений, концу 1980-х — началу 1990-х гг. В определении начальной временной точки социально-экономических изменений в рамках Дискурса 1 указывались годы распада СССР, прекращения деятельности флотов и др. Информанты старались связать свой рассказ с известными историческими событиями и процессами («когда страна развалилась и когда перешли на рыночную экономику» — Инф. 5) или с событиями личной биографии. В нарративах с элементами Дискурса 2 начало изменений в отрасли в принципе не оценивалось.

2. *Профессия.* До начала 1990-х гг. статус профессии моряка, экономические и социальные ее преимущества для информантов были очевидными. Моряки получали большую в сравнении с представителями других профессий зарплату, имели возможность посещать иностранные порты и приобретать товары, не поступавшие в торговые сети СССР, получали доступ к специализированным магазинам (в Мурманске — «Альбатрос»). В Мурманске сотрудники рыбопромышленных предприятий получали северные надбавки («полярки»), флоты строили для

моряков жилье, предоставляли детям сотрудников возможность отдыхать в ведомственных летних лагерях на Черном море и др.

Высокий символический статус представителей профессии поддерживался в 1960–1980-е гг. различными ритуалами (встреча экипажей в порту, чествование победителей социалистического соревнования, профессиональный праздник День рыбака).

Выбор профессии в 1960–1980-е гг. нашими информантами, которым сейчас от 50 до 78 лет, мотивировался прежде всего престижем и экономическими преимуществами профессии и только потом «романтикой», с которой у них связана работа в море (в том числе под влиянием художественной и публицистической литературы). Информанты отмечали, что их родители инициировали и поддерживали отъезд детей в крупные города типа Мурманска, получение ими «денежной» профессии.

Описание состояния отрасли до начала 1990-х гг. в структурах Дискурса 2 акцентирует внимание на материальных «добычах» моряков в иностранных портах, в том числе содержит иронические (само)характеристики советских моряков и пейоративные высказывания об СССР и принципах системы оплаты труда.

Вот, первый рейс, представляете: по Суэцкому каналу, Индийское море! Ну вот, представьте себе: семьдесят восьмой год. Я в крым-пленовых штанах, в клетчатой рубашке фирмы «Скорород», или что-то я уже не помню, это самое, как его, «Партизанка»? «Красная партизанка»? «Текстильщица». Выхожу в Сингапуре, в центре города. Ну... это ж... для меня это был нонсенс. Полный! [Инф. 2].

Тогда ведь была уравниловка, инженер 180 рублей получал, рабочий — 240, а моряки — больше, зависело от плана. И в ин[остранные] порты заходили, вещи привозили, которых не было в нашей дороге России [Инф. 1].

Общим элементом обоих Дискурсов является характеристика профессии рыбака как физически и психологически тяжелой. Большие физические и психологические нагрузки и производственный травматизм, многодневная изоляция на судне во время рейсов ведут к профессиональной и психологической деформации моряков.

При Советском Союзе была эксплуатация... Там у нас заставляли работать и ничего не платили, а сейчас тем более. И сейчас это частное судно, а там надо работать почти круглые сутки, а если наша молодежь сейчас не будет работать круглые сутки,

если молодежь умная, они другую профессию будут выбирать, чем эту. Море. Связывать свою судьбу и еще личные качества надо — никакой жизни нет у моряков. Я всегда считал и считаю до сих пор: кто в море ходит — это больные люди в какой-то степени [смеется, крутит пальцем у виска], больные [Инф. 5].

Если в рамках Дискурса 2 характеристики профессии прагматичны и детализированы, то элементы Дискурса 1 («романтическая профессия» или «героическая профессия во благо общества») позволяли в таких случаях сгладить негативные стороны профессии. Сравните следующие два высказывания:

Там на «кормовичке»... у тебя ни мотористов, никого нет, то есть ты и механик, ты и моторист... если вдруг случается... поломка достаточно серьезная крупная, то наваливается вся машина, там, и стармех, и все-все-все, как говорится. Все кверху, извиняюсь за выражение, задницами, вот, по 5б, по 70 часов в машине без сна и отдыха, и... А деваться некуда! Либо ты отремонтировался, и ты пошел ловить дальше рыбу — зарабатывать деньги, либо... за носдрю и в порт, а это не есть очень хорошо, поскольку это срыв производственного задания со всеми вытекающими последствиями [Инф. 9].

Но не только с финансами все было связано, было и моральное удовлетворение [Инф. 1]¹.

Статус хорошего профессионала в глазах сообщества по-прежнему остается актуальным для моряков. В ответ на просьбу охарактеризовать себя все пожилые (бывшие) моряки указывали, что были «неплохими капитанами», «механик я неплохой, как говорят», «я всегда честно, хорошо работал» и т.д. Молодые моряки полагают, что без высокого профессионализма им не удастся устроиться в компанию с более комфортными условиями труда, где можно достойно зарабатывать.

Обязательными характеристиками лидеров сообщества в Дискурсе 1 также выступают их профессиональные качества. Руководитель флота должен был не только быть хорошим управленцем, чьи приказы выполнялись беспрекословно, но и пройти путь от матроса до капитана и «быть на хорошем счету» в сообществе. Конечно, речь идет о некоей идеальной модели харизматического лидера. В реальных ситуациях статус руководителя не всегда однозначно оценивается сообществом. В упоминаниях информантами руководителей, с которыми связывается реструктуризация флотов, в каждом конкретном случае имели значение факт личного знакомства с этим

¹ Частым антиподом моряка как представителя героической, достойной рабочей профессии в Дискурсе 1 выступает бизнесмен, банкир, в определенном смысле — культурный герой 1990-х гг.

человеком, а также имеющиеся у информантов сведения о сегодняшней жизни руководителя. При этом выживание компаний, которые смогли сохраниться в 1990–2010-е гг. (хотя и утратили часть кораблей), также приписывалось информантами конкретным руководителям или совместным усилиям работников компаний.

Интересно, что сегодня эта модель харизматического лидера также востребована. Примером этому может служить авторитет Ю. Задворного¹: его характеризуют как «хозяина», у которого «свой флот», который «строит суда»; говорят, что «у Задворного [вариант: “у них”] свои корабли хорошие», «он встречает корабли», «Задворный строит судно» и пр.

В рассказах, использующих элементы Дискурса 2, обсуждаются актуальные проблемы лицензирования и сертификации в профессии. Необходимость регулярного подтверждения диплома связана с временными (профессиональная переподготовка) и денежными затратами на прохождение комплекса аттестаций, комиссий и тестирования, что весьма эмоционально описывалось информантами, работающими сегодня в рыбопромышленных компаниях.

Профессия моряка связана с длительной разлукой с семьей. В репрезентации этого аспекта Дискурс 1 выстраивает роль информанта как жертвы, в прошлом вынужденно оставлявшей семью на длительное время, а Дискурс 2 обосновывает возможное решение этой проблемы в настоящем. Информанты 50–70 лет упоминали о частых рейсах продолжительностью от трех до девяти месяцев как о нормальной практике в их профессиональной деятельности в 1970–1980-е гг., о нередко конфликтном «выбивании» отпуска, о вынужденном доминировании жен моряков в воспитании детей и о семейных проблемах, связанных с длительной производственной занятостью мужей. При этом многие переходили на работу в порту только для того, чтобы быть с семьей. Стремление информантов 25–40 лет не уходить в долгие рейсы и чаще быть с семьей отмечает своеобразный «семейный поворот», характерный для Дискурса 2, — важную переоценку профессии и семьи в представлении молодых специалистов: они не хотят работать в долгих рейсах и предпочитают иметь свободное время для себя и своей семьи. Работа по контракту для молодых профессионалов возможна лишь на время, чтобы заработать достаточно средств для крупных покупок, но она неблагоприятна для

¹ Юрий Васильевич Задворный — генеральный директор ЗАО «Мурмансельдь-2», см. информацию о нем на сайте «Кольский Север. Энциклопедический лексикон. А–Я»: <http://lexicon.dobrohot.org/index.php/ЗАДВОРНЫЙ_Юрий_Васильевич>.

семей моряков в длительной перспективе. Вместе с тем ряд специализаций (например, механик, электрик) позволяет молодым морякам работать в различных сферах в городе, а личные качества и дополнительное образование — открывать свой бизнес.

3. *Утраты.* Наиболее частыми в рассказах о событиях постсоветского периода были сюжеты о продаже и отправке судов на резку, увольнениях и сокращениях, несправедливом отношении со стороны руководства, смене работы и невыплатах зарплаты, стратегиях выживания. При этом информанты представляли себя в описаниях кризисных ситуаций как активных агентов, обрисовывали решение проблем, поиски новых источников дохода, смену профессии¹. В этих случаях разделить элементы Дискурсов 1 и 2 было проблематично, скорее мы наблюдали здесь своеобразные гибридные дискурсивные структуры.

В общем-то искали свои кровно заработанные... какое-то достаточно продолжительное количество времени <...>. По девять <...>, по десять месяцев работали. На тот момент <...> это был как раз 96-й, 97-й, 98-й, 99-й год, когда людям не платили зарплату. Там. По году. Бывали и такие случаи, даже больше!.. Люди просто, я не знаю, как они жили? На какие средства существовали? [Инф. 9].

Рассказы о действиях в условиях экономического кризиса часто выводили информантов на тему удачных заработков, которые позволили им сделать крупные покупки.

Мы ходили в Баренцево море: треска, креветка. Да, очень хорошо по тем временам, я даже помню, больше 1000 долларов, 1100 в месяц где-то так. Но для матроса это было очень хорошо. При том что квартира стоила, я помню, в 98-м покупал: 3,5 тысячи за двухкомнатную. Ну после кризиса они подешевели очень... За один рейс, ну полтора, можно так сказать, немножко занял деньги, со второго рейса отдал [Инф. 7].

В ответ на вопрос о том, могли ли они повлиять на происшедшие события, большая часть информантов отвечала отрицательно. Однако некоторые моряки участвовали в разные годы в протестных акциях, пытаясь воздействовать на руководство компаний.

¹ Наши информанты нередко говорили, что их решения в сложной экономической ситуации были вызваны ответственностью за семью. Е. Мещеркина в своем исследовании отмечает, что подобная аргументация смены профессии ответственностью за семью типична для «мужского поступка» в рассказах профессионалов об их решениях в периоды экономических перемен [Мещеркина 2002: 9–10].

Я в 2000-м году призвал к забастовке, объявил, это мы стояли на рейде, по УКВ радиостанции, по всем пароходам. Никто не согласился против генерального директора и главного инженера. Меня отправили в отпуск, а через неделю выплатили зарплату. Ну нам рейсовые не заплатили, мы стояли полтора месяца, меня уже жена из дома стала выгонять. А дальше только хуже было. Мы только через суд смогли получить. Я в 2002 году оттуда ушел. И тогда же они прекратили свое существование, обанкротились [Инф. 6].

Ответственными за уменьшение количества судов и банкротство флотов информанты называли разных агентов — от тайных сил до известных в профессиональном сообществе руководителей. Социально-экономические изменения постсоветского периода в рамках Дискурса 1 определялись в рассказах информантов безличными глагольными конструкциями («всё разворовали», «всё развалили»). Эти мотивы известны и молодым информантам из рассказов отцов, работавших в мурманских флотах в советские годы. В данном случае мы можем фиксировать передачу отдельных структур Дискурса 1 через общение в семье.

Информанты 60–70 лет часто возлагали ответственность на российских политических деятелей («Ельцин виноват», «Чубайс виноват», «Горбачев виноват»), реже — на губернаторов, руководивших Мурманской областью с 1996 г. по настоящее время¹. Некоторые считали причиной произошедших изменений в стране и отрасли заговор против России «могущественных мировых сил», участие в котором приписывалось как российским политическим деятелям эпохи перестройки, так и иностранным агентам, под влияние которых попали российские руководители. Отметим, что наличие в нарративах людей, переживших эпоху социально-экономических изменений, объяснительной модели заговора в структурах Дискурса 1 в целом типично. Востребованность этой модели объясняется существующими в современных обществах представлениями о том, «что любые социальные явления, особенно такие, как война, безработица, нищета, дефицит и т.п., которые, как правило, вызывают сильные негативные реакции, представляют собой результат целенаправленных действий некоторых могущественных индивидуумов или групп» [Поппер 1992: 112–113]. В рассказах информантов иностранные агенты чаще определялись как «американцы», а сегодняшнее их воздействие обнаруживалось рассказчиками, например, на Украине.

¹ Ю.А. Евдокимов был губернатором Мурманской области в период с 1996 по 2009 г., Д.В. Дмитриенко — в 2009–2012 гг. Сегодня губернатор Мурманской области — М.В. Ковтун.

4. *Преимственность*. Дискурс 1 предполагает идеальную ситуацию стремления молодежи на флот и естественную смену поколений в отрасли, а все случаи несовпадения стратегий молодых специалистов интерпретируются как признаки «разрушения» сообщества и отрасли (мотив «молодежь нынче не та»). Дискурс 2 допускает разнообразные ситуации, включая уход из профессии в случае, если условия трудоустройства молодых специалистов не позволяют им зарабатывать достаточно для содержания семей.

Традиция продолжения семейной профессии, как показывают материалы интервью, по крайней мере до 2010 г. остается предпочитаемой в семьях моряков. Информанты старшего возраста, создавшие сегодняшнее благополучие своих семей, с гордостью упоминают, что сын «тоже механик», «тоже ходил в море».

Отказ молодых специалистов работать по специальности после окончания колледжа или вуза объясняется информантами различно, нередко даже в рамках одного интервью. В риторике Дискурса 1 информанты 50–70 лет описывают отказ от работы в отрасли молодых специалистов с высокой степенью обобщения, используя трюизмы об изменившихся ценностях в современном мире, стремлении молодежи к легко достаемым деньгам: *Сейчас время такое. Мир не тот стал* [Инф. 4]; *Посмотри, сейчас вообще что творится! Раньше еще больше порядок здесь был, в городе, а сейчас эта молодежь вообще, представляешь, хотят всё сразу* [Инф. 5].

Риторические стратегии Дискурса 2 опираются на «понимающие» объяснительные модели и описывают отказ от профессии как возможный и даже необходимый, если экономически работа «на берегу» не уступает выгодам профессии рыбака, а в отношении физической нагрузки и возможности быть с семьями оказывается предпочтительной. Несколько наших информантов в возрасте 25–40 лет планировали сменить род занятий, рассчитывая на стабильную карьеру в новой профессиональной сфере, говорили о своих перспективах на административной работе, планах по организации собственной компании и пр.¹

Любопытно, что риторика Дискурса 1 с укором в адрес уходящих с флотов молодых специалистов в интервью неоднократно сменялась «понимающей» риторикой Дискурса 2, как только информант, пытаясь привести конкретные примеры «не той молодежи», вспоминал о профессиональных стратегиях соб-

¹ Нынешнее положение этой группы информантов можно определить как «поворотный пункт в биографии» [Попова 2011: 83], см. о подобных стратегиях профессиональной адаптации: [Там же: 87–88].

ственных детей, сменивших род деятельности. Их решение информанты считали вполне оправданными.

Сын закончил Вышку, тоже механик, так же проходил недолго в море. <...> потом то же самое — женился. Сын маленький. Потом устроился менеджером фирмы аварийно-спасательного оборудования. В море больше не хочет [Инф. 10].

5. *Будущее.* Отчасти рассказы информантов о настоящей социально-экономической ситуации и их представления о будущем города и порта имеют сходные черты с нарративами жителей постиндустриальных городов (см., например: [Bolotova, Stammner 2008; Bolotova 2014; Кобыща 2015]). В оценке перспектив нынешней экономической ситуации в стране наши информанты высказывали три возможных модели развития ситуации в отрасли:

- 1) можно все восстановить примерно за равный период времени (20–25 лет) и выйти на прежние мощности при условии поддержки государства;
- 2) ничего восстановить нельзя, мурманский рыбопромышленный комплекс будет обеспечивать только свой регион;
- 3) перспективы развития региона связаны не столько с рыбной промышленностью, сколько с развитием нефтегазовой добычи.

Интересно в этой связи, что наши информанты не смогли ответить, каким вообще могло бы быть будущее огромного мурманского флота в почти 1000 судов, базировавшегося в популярном городе с более чем 400 тыс. населения и имевшего промысловые районы во всех океанах, если бы не произошли социальные изменения 1990-х гг.

Заключение

Завершая описание нарративов наших информантов о социально-экономических изменениях в рыбной отрасли, остановимся на функциях и взаимном соотношении Дискурсов 1 и 2.

Дискурс 1 служит поддержанию «эмоционального сообщества» [Rosenwein 2006] информантов старшего поколения: рассказы об утратах материальных и символических ресурсов профессионального сообщества имеют устойчивую схему и выражаются постоянным комплексом лексических средств и риторических приемов. Истории информантов строились преимущественно с использованием элементов Дискурса 1, возможно потому, что рассказчики с большой вероятностью считали интервьюера также принадлежащей этому сообществу и способной сочувствовать им в эмоциональном переживании изменений в отрасли.

Одной из проблем периода социально-экономических перемен является утрата поддерживаемой государством «символической маски» профессии (как ее морального прикрытия) и необходимость ее воссоздания самими представителями профессионального сообщества. В этой связи представляется, что Дискурс 1 также позволял информантам поддерживать в глазах интервьюера символический статус профессии в условиях, когда сами они уже не связаны с промыслом, а государственная позиция репрезентации профессии не оформлена.

С помощью элементов Дискурса 2 интерпретировались темы рационального и эффективного решения текущих проблем актуального настоящего. Пожалуй, определяющие эмоции, которые выражаются с помощью Дискурса 2, — «недовольство» и «раздражение». Вместе с тем описание и оценка событий в нарративах Дискурса 2 почти всегда завершается формулированием стратегии поведения, а субъекты рассказов выступают активными агентами. В этом отношении Дискурс 2 более динамичен, подвижен в сравнении с Дискурсом 1, который не предполагает иных действий, кроме сопереживания, сочувствия слушателя. Молодые специалисты редко прибегают к использованию средств Дискурса 1, т.к. не видят соответствий воображаемому статусу профессии в настоящем и для них не значимы объекты и события, которые описывает Дискурс 1.

Спонтанные размышления информантов о будущем отрасли привели нас к анализу соотношения «временных векторов» Дискурса 1 и Дискурса 2 и в конечном итоге к их взаимной необходимости. У Дискурса 1 есть прошлое и безрадостное настоящее, но нет будущего, и для «привязки» своих историй к настоящему информанты используют элементы Дискурса 2. Дискурс 1 каждый раз «разбивался» о настоящее и сменялся элементами Дискурса 2 в те моменты интервью, когда информанты пытались найти подтверждение сожалениям о разрушенной отрасли в сегодняшней жизни: жалоба на то, что «молодежь не идет на флот», сменялась поддержкой смены профессии моряка близкими, сожаление об уничтоженных и проданных кораблях — реалистичным описанием стратегии компании продать два старых судна и купить одно новое, которое будет рентабельнее, и т.д. Для Дискурса 1 описания настоящей ситуации в отрасли фактически являются наступившим будущим с позиции 1990-х гг. Эта версия «неблагоприятного» будущего с сокращением флотов, уменьшением количества кораблей и снижением статуса профессии откровенно не нравится информантам, но это будущее реально и дает по крайней мере завершение истории советской рыбной промышленности в настоящем, а не обрывает историю в годы

перестройки, о ней можно говорить и переживать, «к чему мы пришли». «Призраки» прошлого мурманских флотов информанты отмечают в настоящем: многие тепло говорили о кораблях, на которых ходили на промысел в 1980–1990-х гг., а сегодня видят их под другими названиями или перекрашенными, упоминали Ю.В. Задворного, напоминающего им уважаемых за личные и деловые качества руководителей флотов 1990-х гг., и т.п.

У Дискурса 2 есть настоящее и ближайшее будущее, но нет прошлого, ведь современные компании возникли недавно, куплены новые суда, молодые специалисты родились в 1990-х гг. Для Дискурса 2 миф о золотом веке мурманского флота в риторике Дискурса 1, с одной стороны, создает историческую глубину и может быть обоснованием легитимности и исторической преемственности настоящего отрасли, с другой — позволяет обосновать будущее. Так, один из молодых информантов (знавший о прошлом Мурманска от отца) использовал выражение «я верю, что все возродится» в своих рассуждениях о будущем Мурманска и патриотически окрашенных оценках стратегических проектов и развития арктических территорий современной России. Другой апеллировал к героической странице в истории мурманских рыбаков, снабжавших страну рыбой в годы Великой Отечественной войны, в своей оценке будущего сегодняшних рыбопромышленных компаний, которые, очевидно, осознаются как преемники и могут быть способны на многое для процветания страны.

Благодарности

Статья подготовлена благодаря участию автора в проекте «Российские гавани Трансарктической магистрали: пространства и общества арктического побережья России накануне новой эпохи развития Северного морского пути» (грант № 33.2257.2017/ПЧ Мин. образования и науки РФ).

Источники

Васильев А.М. Рыбная отрасль Мурманской области в цифрах // *Go Arctic*. 2018, 14 июня. <<https://goarctic.ru/work/rybnaya-otrasl-murmanskoy-oblasti-v-tsifrakh/>>.

Всесоюзная перепись населения 1989 года. Численность городского населения РСФСР, ее территориальных единиц, городских поселений и городских районов по полу // *Демоскоп Weekly*. <http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus89_reg2.php>.

Население СССР: по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. / Госкомстат СССР. М.: Финансы и статистика, 1990. 45 с.

Российский статистический ежегодник: Стат. сб. М.: Гос. ком. РФ по статистике, 2011. 795 с.

Библиография

- Ван Дейк Т.А.* Язык. Познание. Коммуникация: Пер. с англ. / Сост. В.В. Петрова; под ред. В.И. Герасимова; вступит. ст. Ю.Н. Караулова, В.В. Петрова. Благовещенск: БГК им. И.А. Бодуэна дэ Куртенэ, 2000. 308 с.
- Кобыща В.* «Это утопия, это болото»: жанры повествования о городе // *Laboratorium*. 2015. № 7(3). С. 145–160.
- Мещеркина Е.* «Бытие мужского сознания»: опыт реконструкции маскулинной идентичности среднего и рабочего класса // Ушакин С. (сост.). О муже(N)ственности: Сб. ст. М.: НЛЮ, 2002. <<http://www.gender-ehu.org/files/File/Mescherkina.pdf>>.
- Попова И.П.* «Поворотные пункты» в биографии и профессиональные карьеры специалистов // Социологические исследования. 2011. № 4. С. 81–91.
- Поннер К.* Открытое общество и его враги. М.: Феникс; Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. Т. 2: Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы: Пер. с англ. / Под ред. В.Н. Садовского. 528 с.
- Романов П.В., Ярская-Смирнова Е.Р.* Идеологии профессионализма и социальное государство // Романов П.В., Ярская-Смирнова Е.Р. (ред.). Антропология профессий 2011: Антропология профессий, или Посторонним вход разрешен. М.: ООО «Вариант»; ЦСПГИ, 2011. С. 64–81.
- Bolotova A.* Conquering Nature and Engaging with the Environment in the Russian Industrialised North. Rovaniemi: University of Lapland, 2014. 165 p.
- Bolotova A., Stammer F.* How the North Became Home: Attachment to Place among Industrial Migrants in Murmansk Region // Huskey L., Southcott C. (eds.). Migration in the Circumpolar North: Issues and Contexts. Edmonton, Alberta: Canadian Circumpolar Institute Press, University of Alberta, 2008. P. 193–220.
- van Dijk T.* Racism and the Press. L.; N.Y.: Routledge, 1991. 276 p.
- van Dijk T.* Principles of Critical Discourse Analysis // *Discourse and Society*. 1993. Vol. 4. No. 2. P. 249–283.
- van Dijk T.* Ideology: A Multidisciplinary Approach. L.; Thousand Oaks; New Delhi: Sage, 1998. 384 p.
- Rosenwein B.H.* Emotional Communities in the Early Middle Ages. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2006. XV+228 p.

Список информантов

- Инф. 1 — мужчина, 66 лет, капитан, сотрудник частной рыбопромышленной компании.
- Инф. 2 — мужчина, 59 лет, капитан, сотрудник рыболовецкого колхоза.
- Инф. 3 — мужчина, 63 года, старший механик, сотрудник транспортной компании.

Инф. 4 — мужчина, 57 лет, старший помощник капитана, сотрудник транспортной компании.

Инф. 5 — мужчина, 59 лет, матрос, сотрудник транспортной компании.

Инф. 6 — мужчина, 55 лет, механик, сотрудник транспортной компании.

Инф. 7 — мужчина, 39 лет, матрос, сотрудник транспортной компании.

Инф. 8 — мужчина, 70 лет, пенсионер, работал капитаном государственного флота Мурманска.

Инф. 9 — мужчина, 42 года, механик, сотрудник портовой службы.

Инф. 10 — мужчина, 58 лет, капитан, сотрудник частной рыбопромышленной компании.

The Representation of Socio-Economic Changes of the Years 1991–2015 in the Biographical Narratives of Murmansk Fishermen

Julia Kovyrshina

University of Tyumen
6 Volodarskogo Str., Tyumen, Russia
ykovyrshina@eu.spb.ru

The paper focuses on representations of social and economic changes between 1991–2015 in the biographical narratives of workers in the Murmansk fishing industry. The author analyzes two types of discourse — the “late Soviet” and the intraprofessional — which differ in rhetorical strategies and referent time. Through these two types of discourse, informants describe economic and infrastructural changes in the industry and the transformation of power relations in the professional community. Using the approach of critical discourse analysis, the author analyzes the micro- and macrostructures of discourse and topics, trying to answer the following questions: what types of discourse are used by the workers in the Murmansk fishing industry for the self-presentation and interpretation of socio-economic changes in biographical narratives? What functions do these types of discourse perform in the interpretations of informants? When — and for what reasons — do informants choose particular elements of discourse in their stories? Sources include biographical narratives of Murmansk fishermen gathered in 2015–2017.

Keywords: Murmansk, fishing industry, ideology of professional communities, biographical narratives, discourse analysis.

Acknowledgements

The paper was prepared on the basis of the author's participation in the research project "Russian Harbors of the Transarctic Route: Space and Societies of Russia's Arctic Coast on the Eve of a New Period in the History of the Northern Sea Route" (Research grant by the Russian Ministry for Education and Science No. 33.2257.2017/ПЧ).

References

- Bolotova A., *Conquering Nature and Engaging with the Environment in the Russian Industrialised North*. Rovaniemi: University of Lapland, 2014, 165 pp.
- Bolotova A., Stammler F., 'How the North Became Home: Attachment to Place among Industrial Migrants in Murmansk Region', Huskey L., Southcott C. (eds.), *Migration in the Circumpolar North: Issues and Contexts*. Edmonton, Alberta: Canadian Circumpolar Institute Press, University of Alberta, 2008, pp. 193–220.
- van Dijk T., 'The Analysis of News as Discourse', van Dijk T. (ed.), *News Analysis: Case Studies of International and National News in the Press*. Hillsdale, NJ: L. Erlbaum, 1988, pp. 1–30.
- van Dijk T., *Racism and the Press*. London; New York: Routledge, 1991, 276 pp.
- van Dijk T., 'Principles of Critical Discourse Analysis', *Discourse and Society*, 1993, vol. 4, no. 2, pp. 249–283.
- van Dijk T., *Ideology: A Multidisciplinary Approach*. London; Thousand Oaks; New Delhi: Sage Publications, 1998, 384 pp.
- Kobyshecha V., "'Eto utopiya, eto boloto": zhanry povestvovaniya o gorode' ["This Is Utopia, This Is a Swamp": Genres of Narration about the City], *Laboratorium*, 2015, no. 7 (3), pp. 145–160. (In Russian).
- Meshcherkina E., "'Bytie muzhskogo soznaniya": opyt rekonstruktsii maskulinnoy identichnosti srednego i rabocheho klassa' [The Existence of Male Consciousness: The Experience of Reconstructing the Masculine Identity of the Middle and Working Class], Oushakine S. (comp.), *O muzhe(N)stvennosti* [On Masculinity]: A collection of articles. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2002. <<http://www.gender-ehu.org/files/File/Mescherkina.pdf>>. (In Russian).
- Popova I. P., "'Povorotnye punkty" v biografii i professionalnye karyery spetsialistov' ["Turning Points" in Biographies and Professional Careers of Specialists], *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2011, no. 4, pp. 81–91. (In Russian).
- Popper K., *The Open Society and Its Enemies*, vol. 2: *The High Tide of Prophecy: Hegel, Marx, and The Aftermath*. Princeton: Princeton University Press, 1971, 432 pp.
- Romanov P. V., Yarskaya-Smirnova E. R., 'Ideologii professionalizma i sotsialnoe gosudarstvo' [Ideologies of Professionalism and the Social State], Romanov P. V., Yarskaya-Smirnova E. R. (eds.), *Antropologiya professiy 2011: Antropologiya professiy, ili Postoronnim vkhod razreshen* [Anthropology of Professions 2011: Anthropology of Professions, or "Unauthorized Persons Permitted"]. Moscow: OOO "Variant";

Center for Social Policy and Gender Studies, 2011, pp. 64–81. (In Russian).

Rosenwein B. H., *Emotional Communities in the Early Middle Ages*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2006, XV+228 pp.